

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ И ПОПЫТКИ РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ П.Н.ВРАНГЕЛЯ

У даній статті автором з позицій об'єктивності та історизму, із залученням архівних матеріалів, документальних джерел, мемуарної та біографічної літератури здійснено комплексний аналіз форм взаємодії конституційно-демократичної партії з бароном П.М.Врангелем в заключний період Білого руху.

Ключові слова: Білий рух, громадянська війна, політичний табір, ідеологія, кадети, антибільшовицький рух, диктатура.

Юг России всегда играл важную роль в истории страны. Антибольшевистское движение на Юге России стало фактором, от которого зависело многое в развитии общества на протяжении всего XX века. Теперь регион вновь представляет зону, развитие событий в которой может определить многие важные аспекты в выборе страной того или иного исторического пути.

Антибольшевистский политический лагерь отличался крайней пестротой. Однако, наиболее серьезной военно-политической силой в его составе являлось Белое движение. Деятельность политических партий составляла часть истории антибольшевистского движения, но все-таки это были не тождественные сюжеты. Представить же в полном объеме Белую власть Юга России без выявления основных направлений и целей ее внутренней политики невозможно. Анализ механизмов влияния и форм взаимодействия военных руководителей Белого движения с политическими лидерами и идеологами контрреволюции имеет, помимо всего, еще и научно-практическое значение.

На протяжении многих десятилетий история политических партий СССР, кроме, естественно, истории КПСС, в отечественной историографии являлась, с одной стороны, наименее разработанной, а с другой стороны, наиболее фальсифицированной. Она изучалась под вполне определенным углом зрения: утверждение веры в тотальное торжество марксистской доктрины, правильность стратегии и тактики большевиков и, соответственно, в политическое убожество других ("буржуазных", "мелкобуржуазных", контрреволюционных", "националистических", в лучшем случае "непролетарских" и т.п.) партий и движений, в их узкоклассовую природу, в "оторванность от масс" и, как следствие, в их неизбежный крах¹. Официоз стремился к обоснованию закономерности, исторической обусловленности неизбежного пути России к диктатуре пролетариата и ликвидации однопартийной системы; иные альтернативы провозглашались заведомо тупиковыми. Такие политические и методологические установки обрекали советскую историографию на застой, тиражирование работ с тенденциозными названиями "Борьба большевиков за ..." и т.п. Единственное, что осталось от огромного потока работ подобного рода, это собранный фактический материал, который, однако, нуждается в дополнительной критической проверке. Перед исследователями вновь стоит задача обратиться к первоисточникам, тщательно проработать фактическую основу истории политических партий России³.

С 1920 по 2012 гг. вышло значительное количество работ о гражданской войне, различных по объему и научной значимости. Но, несмотря на десятки тысяч книг, статей и исследований, посвященных истории двух революций и гражданской войне в России, библиография которых заняла бы не один том⁴, создается впечатление, что их история не получила еще должного освещения. И дело здесь не только в том, что, как заметил один из авторитетнейших совре-

менных исследователей В.А.Поляков, "ненависть, непримиримость пронизывали с обеих сторон все, что писалось, декларировалось, говорилось, пелось о гражданской войне"⁵. Сегодня очевидно: в изучении истории Гражданской войны в России и других странах выполнена пока лишь предварительная научно-исследовательская работа, на которой, в большой степени, сказались как недостаток информации, так и политические пристрастия.

Завершающий этап российской стадии истории белого движения растянулся с осени 1919 до конца 1920 года. Это был период своеобразного "пересмотра ценностей", когда была предпринята попытка маневра и большего приспособления белого движения к российской действительности в целях придания нового импульса продолжению борьбы (так называемая "левая политика правыми руками" барона П.Н.Врангеля).

Учитывая специфичность процессов, происходящих в белом организме на завершающем этапе, а также достаточно противоречивые и неоднозначные трактовки политики Врангеля (склонные даже к отождествлению его курса с политикой "третьего пути") видится логичным рассмотреть его отдельно и более детально...

Вовсе не случайно, что Белое движение в целом заметно тяготело к прокадетским общественно-политическим идеалам и ценностям, что было в общем-то, закономерно. Строго говоря, ведь после февраля 1917 г. только партии Народной Свободы удалось сохранить свое структурно-организационное единство, благодаря чему после октябрьских событий 1917 г. она смогла наметить контуры программы борьбы с захватившими власть большевиками. Способствовала партийному приоритету кадетов и их самореклама лозунгов о приверженности "надклассовым", "надпартийным", "общегосударственным интересам", об обязательном соблюдении в России прав человека и норм демократического развития⁶. С нашей точки зрения, именно эта партия и была тем самым "китом", на котором держалась вся политическая платформа, определявшая идеологию, а зачастую и политический курс Белого движения в целом.

3 ноября 1919 г. в Харькове члены партии "народной свободы" из Ростова, Киева, Екатеринодара, Одессы собрались на свою очередную конференцию. В Харькове еще резче, чем четыре месяца назад в Екатеринодаре, обозначился сдвиг партии вправо. На конференции полностью господствовали правокадетские настроения. И тон здесь задавали правые – П.Д.Долгоруков, В.А.Степанов, П.И.Новгородцев, Н.В.Тесленко, А.В.Тыркова. Последняя высказалась с предельной откровенностью: "Наши практические задачи очевидны... Мы должны прежде всего поддерживать армию, а демократическую программу отодвинуть на второй план. Мы должны создавать правящий класс, а не диктатуру большинства. Универсальность идеи западной демократии – обман, который нам навязывали политики. Мы должны иметь смелость взглянуть прямо в глаза дикому зверю, который называется народ". Нельзя не согласиться с У.Г.Розенбергом, который комментировал это заявление следующим образом: сама Тыркова нашла в себе мужество публично сказать то, в чем многие кадеты были глубоко уверены уже в 1905 г.; она выразила то, что вынесли многие либералы из всего революционного опыта России⁷.

Решения, принятые конференцией, требовали полной поддержки военной диктатуры без каких-либо ограничений. Конференция призывала положить конец всем "беззакониям и беспорядкам в деревне", порожденным революцией. Столь же категоричными были резолюции по национальному вопросу, сурово осуждавшие любые "федералистские" течения, оправдывавшие великорусский шовинизм, антисемитизм и т.п.

По решению конференции кадеты, принимавшие участие "в правительстве и управлении", освобождались от "надзора и указаний партийных комитетов", поскольку "на высоте ответственного государственного служения" им виднее насущные задачи власти. В резолюциях выдвигалось требование, чтобы "планы переустройства органов высшего управления" не колебали "основ национальной диктатуры" (т. е. не предусматривали ответственности власти перед выборными учреждениями)⁸.

На Харьковской конференции кадеты, писал Долгоруков, закрепили "партийную тактику на всем юге России, во всех партийных организованных группах, до Харькова, Киева и Одессы включительно, вполне согласную с тактикой наших кавказских и сибирских товарищей а также и московских, судя по письму Щепкина"⁹. Одним словом, это был единый курс кадетской партии на территории России.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что установки, зафиксированные конференцией в Харькове, складывались в середине октября – в тот период, когда положение на фронтах способствовало самым оптимистическим настроениям в кадетской среде. "В это время, – писал Долгоруков, – мы были полны надежд, отряд Май-Маевского достиг Орловской губернии, все были уверены в скором достижении Москвы"¹⁰.

Между тем соотношение сил на Южном фронте коренным образом изменилось. Поворот в развитии военных действий был необычайно стремительным. В считанные недели победное настроение в белогвардейском лагере сменилось тревогой и страхом – одно поражение следовало за другим.

Военные поражения белых армий пагубно влияли на состояние их тыла, сопровождались резким обострением внутренних социальных и национальных отношений. Деникинский тыл разлагался и рушился. Перед лицом грядущей катастрофы кадеты пытались искать спасение в изменении внутривластного курса.

Конкретные предложения, связанные с реорганизацией системы управления, содержались в "Тезисах по вопросу о политическом курсе", составленных Н.И.Астровым и одобренных правлением Национального центра. 17 декабря этот документ рассматривался в Особом совещании¹¹.

Национальный центр предлагал Деникину срочно осуществить следующие меры: создать центральный правительственный орган из лиц, "способных на решительные волевые действия", "не уклоняясь ни вправо, ни влево"; создать ответственное перед властью министерство внутренних дел; образовать при высших административных органах в провинции так называемые "советы" из местных чиновников, представителей торговли, промышленности, кооперативов, ученых обществ и учреждений и т. д. Тезисы предусматривали "суровые меры" против спекуляции, взяточничества, грабежей и других преступлений, "расстраивающих жизнь тыла армии"¹².

В "Тезисах" подчеркивалось, что власть должна опираться и ориентироваться на среднебуржуазные слои города и деревни. Предлагалось пересмотреть отношение к национальным "государственным новообразованиям", чтобы "заинтересовать их в содействии борьбе армии". Особое внимание хотелось бы обратить на пункт, предусматривавший "осторожные, но решительные меры против сознательного и бессознательного провоцирования идеи монархии"¹³. О побудительных мотивах такой формулировки уже говорилось выше.

Одновременно Астров и группа близких к нему членов Особого совещания, входивших в состав Национального центра, – Степанов, Челищев, Федоров и др. – обратилась к Деникину с запиской, в которой констатировала, что "общее смущение и тревога на фронте и в тылу требуют решительных, немедленных и ярких действий", и предлагала, распустив Особое совещание, образовать вместо него так называемый Совет при главнокомандующем в составе семи человек¹⁴. В записке говорилось: "В обращении к армии и населению можно было бы указать, что новая власть устранит в своих действиях допущенные раньше ошибки и, беспощадно карая нарушителей гражданской мира, грабителей и насильников, возьмет под свою защиту все население"¹⁵.

30 декабря Деникин упразднил Особое совещание, заменив его "правительством при главнокомандующем". Этот орган власти просуществовал слишком недолго, чтобы можно было судить о направлении его деятельности¹⁶. Однако характерно, что во главе нового правительства стояли генерал А.С.Лукомский – бывший глава Особого совещания – и А.В.Кривошеин, хорошо известный своей правизной¹⁷. Уже одно это показывает, что о коренном повороте политического курса не могло быть и речи. Все сводилось лишь к изменению тактической линии.

Что касается Национального центра, то он, как и писал Н.И.Астров, "тесно связал себя с Особым совещанием" и "умер вместе с ним, получив предварительно смертельную рану в Москве в августе 1919 г."¹⁸ (имеется в виду ликвидация кадетской подпольной организации).

С каждым днем в белогвардейском лагере усиливалось неотвратимое ощущение конца. Но кадеты не сдавались, судорожно пытались отыскать какие-нибудь дополнительные резервы помощи "белому делу". 21 декабря из Ростова в США выехала "особая миссия главного командования" Вооруженных сил Юга России во главе с членом кадетского ЦК П.П.Гронским. Официальная цель ее состояла в "установлении более дружественных отношений между Россией и США"¹⁹.

Тогда же в "Донской речи" появилась статья левого кадета П.Е.Рысса, призывавшая в борьбе против Красной Армии вновь опереться на Германию²⁰, "где имеется сильное течение, желающее оказать военную помощь России", т. е. белогвардейцам. Еще два года назад кадеты, споря об ориентации, изобретали разного рода исторически-психологические обоснования своего внешнеполитического курса. Теперь было не время для подобных мудрствований. Автор статьи с циничным прагматизмом предлагал "во имя национальной политики" ориентироваться на державы, союз с которыми "выгоден в настоящем". В политике нет любви и ненависти, рассуждал он, есть только правильно понятый расчет. "Стоя на перепутье, – писал Рысс, – зорко будем смотреть, какая дорога удобнее, какой путь короче"²¹.

Последнее заседание ЦК партии "народной свободы" в Ростове, состоявшееся 28 декабря 1919 г., было одним из самых кратких за время его существования²². И немудрено: сразу же по окончании заседания его участники в безумной спешке покинули город. "Катастрофа наступила настолько быстро, – пишет в своих воспоминаниях А.Борман, – что накануне приказа об эвакуации мы сдали белье прачке и потом выхватывали его из прачечной в мокром виде. Все, кто был связан с белым движением, бросились на вокзал..."²³.

С огромным трудом, всеми правдами и неправдами добирались до Новороссийска. В переполненном людьми городе разразилась эпидемия сыпного тифа (от него погибли Е.Н.Трубецкой и бывший министр Скоропадского И.А.Кистяковский)²⁴. Паника и смятение охватили кадетов. 4 января Тыркова записала в дневнике²⁵. "Докатились до моря, как это произошло, никто не понимает... Все порвалось, перемешалось, спуталось... То, что мы считали ядром нарождающейся русской государственности, оказалось если не мыльным пузырем, то каким-то комком глины, который распался от первого толчка". И 9 февраля: "Как описать Новороссийск? Кадеты... беженцы, вши, больницы... Норд-ост. Люди перестали мыться. Нет белья. Спят на столах. Болтаются подошвы... Столкнуло всех на край бездны... Власть развалилась. Никто даже не знает, кто теперь начальство, где оно и как его зовут"²⁶.

Еще одна запись в ее дневнике того времени: "Полтора месяца бродили верхи русской интеллигенции по грязным, холодным, бессмысленным улицам Новороссийска. Одинокие, разрозненные, ошеломленные, многие испуганные и все охваченные огнем тоски, они про себя переживали катастрофу. Порой собирались по два, по три и в нетопленых угрюмых безнадежно чужих комнатах нервно перебрасывались опытом последней горечи. И только недавно поняли, что надо вслух, хотя бы среди избранных, обдумать, осмотреться"²⁷.

В начале февраля Деникин предпринял последнюю отчаянную попытку найти выход из положения – он вновь реорганизовал правительство. Идя на уступки казачеству, Деникину пришлось сдать свою основную позицию – диктатуру, согласиться на образование законодательного (а не "законосовещательного") органа и на создание "ответственного" министерства во главе с представителем донского казачества Н.М.Мельниковым²⁸. Эти меры были гораздо радикальнее умеренных предложений Астрова.

Вопрос об отношении к новому правительству рассматривался на первом заседании кадетского ЦК в Новороссийске 4 февраля 1920 г.²⁹. Обсуждали резолюцию П.И.Новгородцева, "как отнестись к Верховному кругу, к казачьему министерству, к тому, что вместо диктатора у нас ответственное министерство". Степанов сформулировал свою позицию так: "Если будут военные победы, Деникин сбросит с себя всю эту чепуху, и будут перемены. Если нет, то Деникин погибнет". Новгородцев уже не верил в возможность побед белой армии. По его мнению, России предстояло оказаться либо под контролем "иностранной жандармерии", либо под пятой "чумазого"³⁰ (так кадеты именовали рабоче-крестьянскую власть).

Кадетский ЦК вынес резолюцию о поддержке "южнорусского" правительства "как совершившегося факта, не входя и критику его политической физиономии и личного состава"³¹. В коалиционный кабинет вошли наряду с казаками донские кадеты В.Ф.Зеелер, В.А.Харламов, член Национального центра М.В.Бернацкий³².

В Новороссийске было проведено еще несколько неофициальных партийных совещаний. На одном из них слушали письмо Астрова к Милюкову в Лондон с приглашением приехать в Новороссийск и заверениями, что "Деникин будет ему рад"³³.

Но главным из обсуждавшихся вопросов была предстоящая эвакуация. Пытались как-то участвовать в ее организации, но это не удавалось. На эвакуационном пункте, писала Тыркова в дневнике, "англичане хозяева, а русские вроде слуг"³⁴.

Английский профессор Маккиндер, "присланный своим правительством заняться эвакуацией Новороссийска", выглядел, по ее словам, именинником. "Настоящий иноземец, решающий судьбу низшей расы"³⁵.

И все же кадеты из деникинского окружения еще на что-то надеялись, еще строили планы. "Как только положение примет несколько более определенные очертания, – писал Астров 30 января генералу Романовскому, – мы начнем готовить общественное мнение к восприятию нового периода"³⁶. Но чем определеннее становилось положение, тем более безнадежным делалось оно для Деникина и его сподвижников. В январе – феврале 1920 г. была очищена от белогвардейцев южная часть Украины, стала советской Одесса³⁷.

Ощущая приближение краха, южные кадеты прибегли к тому же крайнему средству, что и их однопартийцы в Сибири, — они явились инициаторами создания Общества добровольных отрядов с целью вовлечения в армию интеллигенции³⁸. "Именно интеллигенция, – заявлял председатель этого общества П.Д.Долгоруков, – должна провозгласить лозунг – все на фронт! – и претворить его в жизнь"³⁹. Некоторые члены партии "народной свободы" пытались действовать личным примером: добровольно вступил рядовым в армию, например, харьковский кадет профессор В.Х.Даватц⁴⁰.

Между тем бои на Северном Кавказе становились все тяжелее для деникинцев. В конце марта был освобожден Новороссийск. Остатки белой армии в страшной панике, в обстановке, не поддающейся описанию, эвакуировались морем в Крым⁴¹. Теперь на этом небольшом полуострове сосредоточились все оставшиеся силы и все надежды белогвардейского лагеря.

Новороссийская катастрофа явилась для Деникина последней каплей. Он был вынужден ретироваться с политической арены. Другого выхода не было, это сознавали даже его стойкие приверженцы, в том числе и кадеты. Как свидетельствует В.Оболенский, они понимали, что "Деникин, имя которого совершенно скомпрометировано в народных массах", "далее не может возглавлять противобольшевистское движение", что "он должен уйти и заменить себя другим лицом"⁴².

2 – 4 апреля в Севастополе состоялось совещание высших командных чинов, которое должно было наметить кандидатуру нового главнокомандующего⁴³. Имя деникинского преемника давно уже муссировалось в белогвардейской среде. Это был барон Врангель, командовавший Кавказской армией. В результате конфликта с Деникиным, который зародился еще весной 1919 г. и обострился до крайности зимой 1920 г., Врангель оставил военную службу и уехал из России в Константинополь⁴⁴. Его кандидатуру выдвигали и поддерживали правящие круги Антанты, разочарованные военным и политическим банкротством Деникина. Врангель получил приглашение от английского командования прибыть в Севастополь и был доставлен туда на английском военном корабле. Приказом от 4 апреля Деникин передал власть Врангелю и навсегда покинул Россию⁴⁵.

Новый белый диктатор, девизом которого стала формула "левая политика правыми руками", предпочитал опираться не на обанкротившихся при Деникине кадетов, а на бывших царских чиновников во главе с Кривошеиным. Начальником Управления иностранных дел Врангель сделал П.Б.Струве, приехавшего в Крым в середине апреля⁴⁶.

Несмотря на то, что недавний соратник кадетов по Национальному центру, а в прошлом член кадетского ЦК П.Б.Струве оказался у руля правления, партии "народной свободы" как активной политической силе не нашлось места возле трона нового властителя. По его поручению Струве, будучи в Париже, уведомил находившихся там кадетских лидеров, что появление членов их партии в Крыму не только "бесполезно", но и "вовсе нежелательно", ибо они окончательно "вышли в тираж"⁴⁷. Н.И.Астров отмечал в связи с этим, что приезд в Россию П.Н.Милюкова, обсуждавшийся на заседании ЦК в Новороссийске, теперь был бы "в полном несоответствии с положением дел... Его просто ухлопали бы современные политики Крыма"⁴⁸.

Лишь единицы из руководства кадетской партии (П.И.Новгородцев, П.Д.Долгоруков, В.Н.Челищев, В.А.Оболенский, В.А.Степанов, затем приехавший из Великобритании А.В.Карташев) остались в Крыму при Врангеле, но в качестве частных лиц не занимая официальных постов в его правительстве⁴⁹. Часть кадетских лидеров приняла это положение как должное, некоторые даже старались обосновать его логически и теоретически. "Россия представляет

теперь из себя клокочущее море, – писал в те дни П.Д.Долгоруков, – русская государственность – утлое судно, потерпевшее аварию... И если нам и не суждено быть в командном составе этого судна, мы должны работать в кочегарном отделении, должны спуститься в трюм, выкачивать воду и заклепывать пробоины, чтобы не дать погибнуть судну"⁵⁰.

Еще в январе 1920 г. П.И.Новгородцев так формулировал свой "политический прогноз": теперь "придется идти политически правее, социально левее", предрекая таким образом направление врангелевского курса⁵¹. А в июне тот же П.И.Новгородцев писал из Крыма за границу Н.И.Астрову, что кадеты "вместе с А.И.Деникиным неумолимым историческим роком выброшены из политической борьбы" и он не видит условий, при которых они "могут вернуться в ближайшем будущем к активной политической роли"⁵². Эта роль, отмечал он, по праву принадлежит теперь бюрократам старой закалки, и вот почему: "большевики победили кадетов своим умением властвовать... и способностью осуществлять свои мысли. Этот дар власти... они взяли из той школы суровой партийной дисциплины... которую все они прошли и которая подобрала у них особый отбор людей с особым закалом воли... И естественно, что... на смену кадетам должны были прийти люди, выросшие также в атмосфере служебной дисциплины, государственного служения, практического дела"⁵³.

Сколько громких слов наговорили в свое время кадеты, сколько бумаги исписали, обрушивая громы и молнии на головы царского государственного аппарата, объявляя его единственным виновником всех бед и несчастий России! И вот итог: на представителей этого самого аппарата, на николаевских сановников-бюрократов возлагали они теперь свои последние надежды!

Эмигрировавшие за границу кадеты из бывшего окружения А.И.Деникина оценивали "черного барона" и его политику более осторожно. Так, Астров сомневался, не опасен ли "диапазон" программы Врангеля, но тем не менее считал: "Опыт интересен. Это высший образец надпартийности и всепоглощения"⁵⁴. Зато уж оставшиеся в Крыму члены партии "народной свободы" испытывали к режиму Врангеля самые верноподданнические чувства. "Сейчас, – писал П.Н.Новгородцев Н.И.Астрову, – в первый раз после 27 февраля – если не считать большевиков в России появилось правительство в точном смысле этого слова, а не только по названию. Здесь не колеблются, не рефлектируют, не состязаются в силе аргументации, а просто действуют и исполняют приказания"⁵⁵. П.Д.Долгоруков в мемуарах объяснял свою преданность П.Н.Врангелю следующим образом: "Он был ближе к типу диктатора, а это в настоящее время и требовалось, а потому я, всецело и убежденно стал его поддерживать как в Крыму, так и за рубежом"⁵⁶.

Горстка кадетов пыталась продолжать свою партийную жизнь. В воспоминаниях Челищева о Севастополе в летние месяцы 1920 г. говорится: "П.Д.Долгоруков горит, пылает, делает публичные доклады, собирает какие-то совещания", на которых первый вопрос, "как поддержать престиж власти, дать ей авторитет и опору"⁵⁷.

9 мая 1920 г. под председательством П.Д.Долгорукова состоялось совещание членов партии "народной свободы", "пребывающих в Севастополе". На нем присутствовали 25 кадетов из Москвы, Петрограда, Харькова, Тифлиса, Екатеринодара, Симферополя, Ялты и Севастополя⁵⁸. Совещание постановило, что "главной задачей партии в настоящий момент является укрепление государственности и национальной власти". "В дополнение и развитие тезисов Екатеринодарской и Харьковской конференций" совещание приняло следующие положения, получившие "высочайшее одобрение" со стороны Врангеля⁵⁹:

- "партийные деятели и органы должны стремиться главным образом к сплочению на надпартийной государственно-национальной работе возможно более широких слоев общества;

- партия должна принять участие в создании надпартийного союза, и члены партии должны стремиться играть активную роль в нем;

- желательна деятельная работа членов партии в прессе и, в частности, основание в Севастополе газеты, долженствующей проводить надпартийные, национально-государственные лозунги партии;

- на первом месте должна стоять интенсивная творческая созидательная работа, а не критика"⁶⁰.

В соответствии с решениями севастопольского совещания собравшиеся в Крыму кадеты направляли свои усилия на создание надпартийной организации, поддерживающей диктатора. Под председательством П.Д.Долгорукова возникло так называемое Объединение общественных и государственных деятелей, имевшее аналогичную с Национальным центром платформу и ставившее основной задачей всемерную поддержку белой армии⁶¹. Летом 1920 г. Объединение развернуло широкую деятельность, главным образом путем устройства публичных собраний, на которых выступали Врангель и его министры. Подробные отчеты об этих собраниях помещались в крымской прессе, и такой способ "ознакомления широкой публики с политикой командования" встречал полное одобрение со стороны Врангеля⁶².

Находившимся в Крыму кадетам намеченный "черным бароном" курс в целом вполне импонировал. В.Оболенский, по его словам, скорее бы присоединился к обратной формуле – "делать правую политику левыми руками", однако, подчеркивал он, "собственно относительно существа нужной политики у нас как будто не было больших разногласий. Только для "правых рук она была левой, а для "левых рук" – правой"⁶³.

Но когда в разговоре с В.Оболенским Врангель сообщил, что предполагает в целях привлечения на свою сторону крестьян декларировать передачу им всех земель, его собеседник, всегда находившийся на левом фланге кадетской партии, отнюдь не одобрил такого намерения. Оболенский, рассказывая о своих возражениях Врангелю по земельному вопросу, сам подчеркивает парадоксальность ситуации. "Это был курьезный спор "левого" общественного деятеля с "правым" генералом, – пишет он, – спор, в котором первый находил планы второго слишком радикальными"⁶⁴.

Врангель назначил Оболенского членом предварительной комиссии по выработке основных положений земельной реформы⁶⁵, просил заходить к нему в каждый приезд из Симферополя (где тот жил). Врангелевский премьер Кривошеин любезно принимал его вне очереди. Оболенский не обольщался этими знаками внимания. Он сознавал, что нужен Врангелю "лишь в качестве декорума общественности при осуществившемся диктаторе", общественности, "с которой до поры до времени нужно было ладить". Но такое положение его вполне устраивало. В шутку своим знакомым Оболенский называл себя "земским собором при самодержце Врангеле"⁶⁶.

Единственное официальное поприще, на котором крымский диктатор нуждался в услугах кадетов, – это выполнение ответственных дипломатических миссий. Так, Родичев получил предложение быть представителем в Польше, Тройский – в Литве и т. д.⁶⁷.

Большую помощь в сношениях с правительствами Франции и Англии оказывал Врангелю Маклаков. В сентябре 1920 г. он на неделю приезжал из Парижа в Крым, чтобы, с одной стороны, информировать Врангеля о позиции Франции, и в частности ее президента Мильерана, об оценке зарубежным общественным мнением деятельности "правителя Юга России", а с другой, чтобы по поручению французского правительства "выяснить положение" Крыма. Убеденный со слов Врангеля в полной неприступности полуострова, он поспешил сообщить эти радостные сведения своим покровителям во Франции⁶⁸.

К весне 1920 г почти все активно действовавшие в "Деникии" кадеты перебрались за границу. С этого времени, как указывает В.В.Комин, для партии "народной свободы" "начался заграничный период истории"⁶⁹. В разных странах образовалось несколько кадетских групп в Константинополе, Софии, Белграде⁷⁰.

15 ноября началась эвакуация врангелевцев из Крыма. В панике бежали они к портам, бросая артиллерию, броневики, танки, аэропланы. Еще раньше переправились за границу ненужные теперь члены правительства Врангеля, окружавшие его разного рода политики, и в том числе последние осколки кадетской партии. Только за пять ноябрьских дней на турецкий берег высадилось около 150 тыс. беженцев из Крыма, в том числе 70 тыс. солдат и офицеров. Берлинская кадетская газета "Руль" сообщала, что число покончивших с собой во время эвакуации, сброшенных и бросившихся в море не поддается учету⁷¹.

Итак, завершая анализ форм взаимодействия конституционно-демократической партии с бароном П.Н.Врангелем, необходимо выделить следующие наиболее существенные моменты: новый белый диктатор, девизом которого стала формула "левая политика правыми руками", предпочитал опираться не на обанкротившихся при А.И.Деникине кадетов, а на бывших

царских чиновников во главе с А.В.Кривошеиным. Лишь единицы из руководства кадетской партии остались в Крыму при П.Н.Врангеле, но в качестве частных лиц не занимая официальных постов в его правительстве. Находившимся в Крыму кадетам намеченный "черным бароном" курс в целом вполне импонировал. В.Оболенский, по его словам, скорее бы присоединился к обратной формуле – "делать правую политику левыми руками", однако, подчеркивал он, "собственно относительно существа нужной политики у нас как будто не было больших разногласий. Только для "правых" рук она была "левой", а для "левых" рук – "правой". Единственное официальное поприще, на котором крымский диктатор нуждался в услугах кадетов, – это выполнение ответственных дипломатических миссий.

¹ См.: напр.: Колгин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1965; Спириин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (нач. XX в. – 1920 гг.). – М., 1977; Иоффе Т. З. Крах российской монархической революции. – М., 1977 и др.

² См.: напр.: Борьба за власть Советов на Дону 1917 – 1920 гг. – Ростов н/Д, 1957; Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917 – 1920 гг. – Краснодар, 1957; Большевицкие организации Дона и Северного Кавказа в борьбе за власть Советов. – Ростов н/Д, 1972 и др.

³ Поляков Ю.А. Поиски новых подходов к изучению истории гражданской войны в России // Россия в XX веке: историки мира спорят. – М., 1994. – С. 280 – 288.

⁴ Владиславлев И.Б. Литература по истории Октября и гражданской войны // Пролетарская революция. – 1924. – № 2 – 3; Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война: К 70-летию Великого Октября // Указатель советской литературы, 1977 – 1986. – М., 1987; Искольдская К.К. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война // Указатель советской литературы, 1972 – 1976. – М., 1977; Наумов З.П. Летопись героической борьбы: Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР (1917 – 1922 гг.). – М., 1972; Наумов В.П., Косаковский А.А. История гражданской войны и интервенции в СССР (Современная буржуазная историография). – М., 1976; Наумов В.П. Новейшая историография гражданской войны и империалистической интервенции // Защита Великого Октября. – М., 1982. С. 34 – 37; Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1923 – первая половина 1930-х гг.). – Томск, 1974 и др.; Постников С.П. Библиография русской революции и гражданской войны (1917 – 1921). – Прага, 1938; Фостер Л.А. Библиография русской зарубежной литературы 1918 – 1968. В 2 т. – Boston, 1970; Erickson. J. Pens versus swords: A study of studying the russian civil war, 1917 – 1922 // Warfare, diplomacy and politics: Essays in honoure of A.J.P.Taylor / Ed. by Chris Wridley. – L., 1986. P.120 – 137; Mazour A.G. The writings of history in the Soviet Union. – Stanford, 1971; etc.

⁵ Поляков В.А. Гражданская война в России: последствия внутренние и внешние // Новая и новейшая история. – 1992. – № 4. – С. 3.

⁶ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. – М., 1982. – С. 19.

⁷ Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. – М., 1977. – С. 254.

⁸ Коллекция Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ). Милюков П.Н. При свете двух революций. – С. 73.

⁹ Долгоруков П.Д. Великая разруха. – Мадрид, 1964. – С. 149.

¹⁰ Там же. – С. 144.

¹¹ Милюков П.Н. Россия на переломе. – Париж, 1927. – Т. 2. – С. 214.

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 215.

¹⁴ Иоффе Г.З. Указ. соч. – С. 255.

¹⁵ Коллекция ГАРФ. Записка Астрова Н.И. Деникину А.И. от 15 декабря 1919.

¹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 34. – Д. 1052 – Л. 18 – 19.

¹⁷ Там же. – Л. 19.

¹⁸ Коллекция ГАРФ. – Письмо Н.И.Астрова П.Д.Долгорукову. 1920г.

¹⁹ Донская речь. – 1919. – 21 декабря.

²⁰ Там же. – 26 декабря.

- ²¹ Донская речь. 1919. – 26 декабря.
- ²² Протоколы ЦК к.-д. партии 1915 – 1920 гг. – М., 1998. – С. 527.
- ²³ Борман А.А. В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. – Вашингтон, 1964. – С. 182.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. – С. 184.
- ²⁶ Там же. – С. 186.
- ²⁷ Там же. – С. 187.
- ²⁸ Деникин А.И.Очерки русской смуты – Минск, 2002. – Т. 5. – С. 370.
- ²⁹ Борман А. Указ. соч. – С. 187.
- ³⁰ Там же. – С. 188.
- ³¹ Долгоруков П.Д. Указ. соч. – С. 158.
- ³² Борман А. Указ. соч. – С. 186.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Коллекция ГАРФ. – Письмо Н.И. Астрова И.П.Романовскому от 30 января 1920.
- ³⁷ РГАСПИ. – Ф. 71. – Оп. 33. – Д. 1184. – Л. 9.
- ³⁸ Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. – М., 1982. – С. 337.
- ³⁹ Свободная речь. – 1920. – 13 февраля.
- ⁴⁰ Долгоруков П.Д. Указ. соч. – С. 169.
- ⁴¹ Деникин А.И. Указ. соч. – Т. 5. – С. 428.
- ⁴² Оболенский В. Крым при Врангеле: Мемуары белогвардейца. – М.; Л., 1929. – С. 6 – 7.
- ⁴³ Там же. – С. 6.
- ⁴⁴ Там же. – С.12.
- ⁴⁵ Кузьмин Н.Ф. Крушение последнего похода Антанты. – М., 1958. – С. 49 – 50.
- ⁴⁶ Думова В.Г. Указ. соч. С. 338.
- ⁴⁷ Коллекция ГАРФ. Милюков П.Н. При свете двух революций. – С. 83.
- ⁴⁸ Там же. Письмо Астрова Н.И.Долгорукову 1920 г.
- ⁴⁹ Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 157.
- ⁵⁰ Там же. – С. 158.
- ⁵¹ Думова Н.Г. Указ. соч. – С. 339.
- ⁵² Коллекция ГАРФ. Письмо П.И.Новгородцева Н.И.Астрову от 28 июня 1920.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Письмо Астрова Н.И.Долгорукову 1920 г.
- ⁵⁵ Там же. Письмо П.И.Новгородцева Н.И.Астрову от 28 июня 1920.
- ⁵⁶ Долгоруков П.Д. Указ. соч. – С. 176.
- ⁵⁷ Цит. по Думовой Н.Г. Указ. соч. – С. 341.
- ⁵⁸ Коллекция ГАРФ. – Письмо Астрова Н.И.Долгорукову. 1920 г.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ РГАСПИ. – Ф. 71. – Оп. 33. – Д. 194. – Л. 86 – 87.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Долгоруков П.Д. Указ. соч. – С. 178 – 179.
- ⁶³ Оболенский В. Указ. соч. – С. 8.
- ⁶⁴ Там же. – С. 11.
- ⁶⁵ Иоффе Г.З. Указ. соч. – С. 262 – 263.
- ⁶⁶ Оболенский В. Указ. соч. – С. 35.
- ⁶⁷ Борман А. Указ. соч. – С. 192.
- ⁶⁸ Воспоминания генерала барона П.Н.Врангеля. – Франкфурт, 1969. – С.156, 164.

⁶⁹ Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. – Калинин, 1970. – Т. 4. – С. 154.

⁷⁰ Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. – М., 1968. – С. 402 – 403.

⁷¹ Цит. по: Мухачев Ю.В., Шкаренков Л.К. Крах "новой тактики" контрреволюции после гражданской войны. – М., 1980. – С. 6.

В статье автором с позиций объективности и историзма, с привлечением архивных материалов, документальных источников, мемуарной и биографической литературы осуществлён комплексный анализ форм взаимодействия конституционно-демократической партии с бароном П.Н.Врангелем в заключительный период Белого движения.

Ключевые слова: Белое движение, гражданская война, политический лагерь, идеология, кадеты, антибольшевистское движение, диктатура.

In this article, the author from the positions of objectivity and historicism, involving archival and documentary sources, memoirs and biographical literature carried out a comprehensive analysis of the forms of cooperation between the Constitutional Democratic Party with Baron P.N.Wrangel in the final period of the White movement.

Keywords: White movement, civil war, political camp, ideology, cadets, anti-Bolshevik movement, dictatorship.